

УДК 81'42:94(476)

ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ЭКСПЕРТНОГО И ОБЫДЕННОГО ПОНИМАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

И.В. Метлушко

*Белорусский государственный университет иностранных языков,
Минск, Республика Беларусь, metluschko@mail.ru*

В статье представлены результаты сопоставительного анализа экспертных определений *исторической памяти* (взяты из работ историков, социологов, политологов, философов) и обывательских толкований (получены в ходе анонимного опроса жителей Беларуси в возрасте от 16 до 90 лет). Выявлено общее для профессионального и обывательского сообществ понимание *исторической памяти* как комплексного, надындивидуального феномена; различное – обращение к «историческому сознанию» экспертами, синкретичное понимание прошлого обывателями. На основании компонентного анализа определений *исторической памяти*, приведенных респондентами, выявлено включение ими знаниевого и аксиологического компонентов, семейной памяти, культуры, языка, уроков прошлого и пр. в толкование термина. Совместное употребление терминов *историческая память* (синонимично термину *политика памяти*) и *историческая правда* в экспертной среде отличается от понимания и допущения обывателями параллельного существования нескольких версий *исторической правды* об одном событии у представителей разных

лингвокультур. Делается вывод о влиянии широкой употребительности термина *историческая память* на его узнаваемость и толкование экспертами и обывателями.

Ключевые слова: историческая память; политика памяти; идентичность; терминология; Memory Studies.

Диалектическое единство процессов локализации и глобализации, объединенных Р. Робертсоном в термин «глокализация» [8, р. 33], характеризует один из ключевых векторов развития современного информационного общества. Многочисленность межкультурных контактов, переосмысление некоторыми государствами мест и роли в мировой истории и политике XX в., высокая скорость создания и обмена данными на фоне «цифрового поворота» приводят к «насыщению» пространства национальных культур новым ценностно-смысловым содержанием, которое направлено не только на качественные социально-экономические и геополитические изменения» [6, с. 74], но и на формирование наднациональной, космополитичной идентичности [1, 4]. Последняя представляется угрозой созданию, сохранению и преемственности национальной идентичности, коллективному «я», выступающему фундаментом нациестроения, обеспечения национального единства.

Выше перечислены лишь некоторые вызовы XXI в. стимулировавшие интерес не только к изучению, но и управлению коллективными феноменами. К последним относится и *память*, понимаемая как один из способов взаимодействия, конструирования отдельным человеком и/или группой своего прошлого. Оказавшись в центре академических изысканий, «коллективная память» [7, с. 12] (Я. Ассман, А. Ассман, Э. Ренан, П. Нора, Дж. Олик, М. Хирш, Л. П. Репина, А. И. Миллер, О. Ю. Малинова, А. В. Дахин, Ю. А. Сафронова, Д. С. Артамонов, Н. Л. Мысливец, Ю. М. Лотман, Н. Г. Брагина, Т. В. Дубровская, И. В. Тивьяева и др.) приобрела многочисленные терминологические обозначения (*культурная память*, *социальная память*, *историческая память* и мн. др.). При этом термин *историческая память*, получающий в русскоязычном информационном пространстве наибольшее количество объективаций, функционирует в различных типах и подтипах дискурса (см. Рис. 1), не имея универсальной дефиниции.

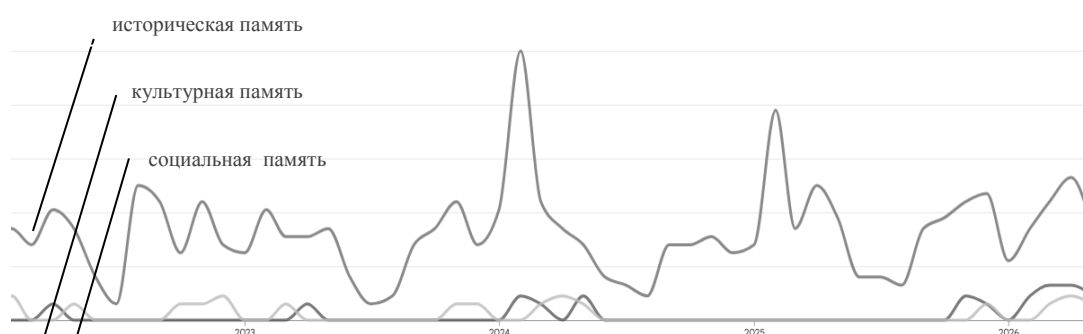

Рисунок 1. – Употребительность терминов *историческая память*, *культурная память*, *социальная память* в русскоязычной поисковой системе Google в период с 2022 по 2026 гг., представленная в виде трендов

Анализ многочисленных определений, функций и механизмов реализации *исторической памяти*, представленных в работах Л.П. Репиной, А.И. Миллера, О.Ю. Малиновой, А.В. Дахина, Ю.А. Сафроновой, Д.С. Артамонова, Н. Л. Мысливца, Л. М. Шуб и др., позволяет выделить значимые характеристики феномена. Так, *историческая память* представляется комплексным, социальным

конструктом (не равен сумме воспоминаний отдельных лиц [7]), включающем знания о коллективном прошлом, апеллирующем к «историческому сознанию» («осмысление народом своего положения во времени, осознание связи настоящего с прошлым и будущим» [3, с. 44]), имеющем реконструктивную (прошлое переосмысливается новыми поколениями с учетом актуальных задач и потребностей [2]), селективную природу (сохраняется память о значимых для групповой идентичности событиях, персоналиях и т. п.), выступающем основой для формирования национального единства.

Также термин *историческая память* употребляется синонимично термину *политика памяти* историками и политологами при обсуждении «мемориального законодательства» (совокупность нормативно-правовых актов, закрепляющих официальную оценку и интерпретацию исторических событий, предписывающих некоторые формы и частотность реализации коммеморативных практик). Более того, обсуждение правовых аспектов политики памяти приводит к совместной объективации терминов *историческая память* и *историческая правда*.

Выделенные в результате анализа академических работ характеристики термина *историческая память* не препятствуют его широкой употребительности в современном коммуникативном пространстве Беларуси (динамичной знаково-культурной среде, в которой происходит коммуникация [5]), что обусловило необходимость сопоставления понимания и интерпретации термина *историческая память* экспертами (приведено выше) и обывателями (рассмотрим далее). Для решения поставленной задачи был проведен анонимный онлайн-опрос 120 респондентов (мужчин и женщин в примерно равном соотношении) из Республики Беларусь в возрасте от 16 до 90 лет. Опрос содержал различные виды вопросов, включая открытые, позволившие респондентам формулировать ответы в произвольной форме.

Дискурс-, компонентный и количественный анализ полученных в ходе анонимного опроса данных указывает, что термин *историческая память* знаком 94% всех респондентов, что, полагаем, является результатом работы многочисленных акторов памяти в Беларуси (органы власти, учебные учреждения, медиа и др.). Респонденты подтверждают приведенное обоснование узнаваемости термина, выделяя систему образования (44%), современные медиа (24,5%) и коммеморативные практики (11,5%) в качестве основных источников знакомства широкой аудитории с термином. При этом 50,5% опрошенных указали, что эпизодически употребляют в свое речи термин *историческая память*. Обозначенное указывает на разрыв между пассивным узнаванием термина и его активным владением. Подтверждением указанного служит и затруднение 18% опрошенных (каждый шестой) от пояснения, что они понимают под термином *историческая память* (см. Рис.2).

Вместе с тем, компонентный анализ приведенных толкований термина *историческая память* 82% респондентов указал на разнородность в интерпретации феномена (Рис. 2). Наибольшее количество респондентов (41%) определяют термин через знаниевый компонент (например, *знание общества о событиях, происходивших с народом (людьми), проживавшим на этой территории; знания о прошлом, передаваемые другим поколениям и т.п.*).

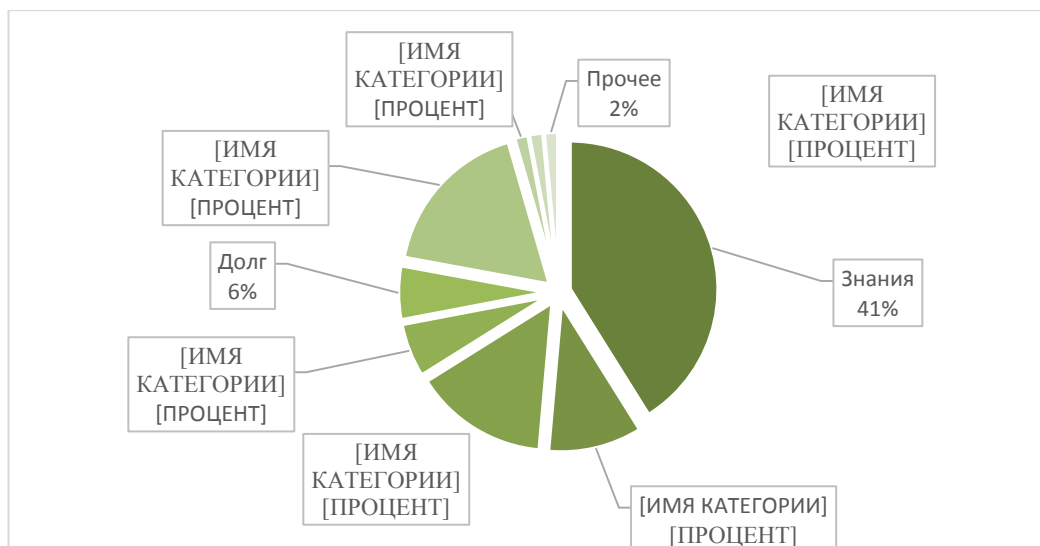

Рисунок 2. – Смысловое наполнение термина *историческая память* респондентами

Ключевым событием в исторической памяти белорусского народа респонденты указали Великую Отечественную войну (80% среди всех опрошенных), что коррелирует с реализуемой в государстве политикой памяти, зафиксированном в «мемориальном законодательстве» Беларуси (Конституция государства, Концепция правовой политики Республики Беларусь, Законы «О недопущении реабилитации нацизма» и «О геноциде белорусского народа») значении и необходимости сохранения памяти о событиях Великой Отечественной войны. Помимо этого, к значимым событиям белорусы отнесли *войну* в целом (6%), распад СССР (3%), аварию на Чернобыльской атомной электростанции (2%),

Среднечастотно респонденты определяли *историческую память* как *уроки прошлого* (15%), которые необходимо использовать во благо (например, *это те драгоценные опыты, которые довелось пережить нашему народу, извлекая уроки, из которых, надо строить свою жизнь. Это базис*).

В толковании термина *историческая память* обывателями наименее частотно (1-10% ответов) приоритизируются: ценностная составляющая (10%) (*историческую память – духовную ценность*); родовая память (6%) (*наши деды; помнить своих предков; мой род, моя страна, моя земля*); долг (6%) (*наш долг; это то, о чем нельзя забывать никогда*); культуру, язык, традиции (3%); гордость за страну (2%) (*историческая память – это гордость за свою страну, осознание ее великой истории*). Отметим, что участники опроса наделяют белорусский народ как коллективное целое (59% ответов) и государственные институты (22,5% ответов) большей ответственностью за создание, хранение и трансляцию исторической памяти, нежели отдельную личность, семью (11,5% ответов), профессиональное сообщество (3%), тем самым размывая личностную отнесенность, нивелируя собственное влияние на историческую память.

Сопоставление полученных данных об экспертном и обыденном определении феномена *исторической памяти* указывает на осознание ее комплексной природы представителями двух групп. Общим для них является и признание надындивидуальной, коллективной природы *исторической памяти*, включающей не только знаниевый компонент, но и коллективные представления о прошлом, оценки событий. Вместе с тем, эксперты используют понятие «историческое сознание» («осмысление народом своего положения во времени, осознание связи настоящего с прошлым и будущим» [3, с. 44]), которое объективируется в ответах респон-

дентов только при определении исторической памяти как *уроков прошлого* (15%) и *долга* (6%), но не отражено в иных ответах.

Эксперты, а также 61% респондентов отмечают динамичный характер исторической памяти, возможность ее переосмысления. При этом 53,5% опрошенных допускают существование различий в «исторической правде», наличие альтернативного понимания, одного исторического события представителями разных лингвокультур, что противоречит толкованию *исторической памяти* как синонима *политики памяти*.

При этом различным в толковании *исторической памяти* экспертным сообществом и обывателями является понимание селективной природы памяти. Многочисленные респонденты мыслят прошлое как единство всего, что прошло и требует сохранения, в то время как эксперты отмечают селективное отношение к прошлому, представляя *историческую память* как результат некоторого целенаправленного и/или произвольного отбора.

Таким образом, изучение дефиниций *исторической памяти*, предложенных экспертным сообществом и определений, полученных в ходе анонимного опроса обывателей, свидетельствует о наличии общего и различного в понимании феномена *исторической памяти*. Общим выступает признание комплексной природы исторической памяти, ее надындивидуальной, коллективной сущности. Схожим, но не тождественным представляется понимание взаимосвязи между прошлым, настоящим и будущим, описываемым экспертами через термин *историческое сознание*, а немногочисленным количеством респондентов через апелляцию к *урокам прошлого* (15% респондентов) и *долгу помнить* (6%). Выявлено расхождение в интерпретации термина *историческая правда*, регулярно актуализуемого совместно с термином *историческая память* (синонимично термину *политика памяти*) в правовом пространстве. Так, обыватели допускают возможность наличия разной *исторической правды* у разных народов, что не совпадает с пониманием *исторической памяти* и *правды* экспертами (например, политологами). В полученных ответах респондентов прослеживается синкретичное понимание прошлого, не актуализируется селективность событий прошлого, значимая для *исторической памяти*.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Аникин Д. А. Политика памяти в глобальном мире: предпосылки социально-философского исследования // Ученые записки Казанского университета. – 2011. – Т. 153, кн. 1 (Гуманитарные науки). – С. 15–21.
2. Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М. М. Сокольской. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 370 с.
3. Гобозов И. А. Введение в философию истории. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : ТЕИС, 1999. – С. 361.
4. Костина Е. Н. Диалектика глобального и локального: национальное государство и коллективная память в условиях глобализации // Известия Саратовского ун-та. Нов. серия. – 2013. – Т. 13. – Сер. Философия. Психология. Педагогика, вып. 1. – С. 36–38.
5. Поплавская Т.В. Поликультурная идентичность в контексте городского пейзажа // Russian Journal of Linguistics. – 2019. – Т. 17. – № 2. – С. 213–228.
6. Сеидова Г. Н. Ислам и глобализация: за и против // Век глобализации. – 2013. – № 1(11). – С. 67–78. – Москва. – URL: https://www.ifapcom.ru/files/Monitoring/astafyeva_transnac_kult_prost.pdf (дата обращения: 16.02.2025).

7. Хальбвакс, М. Социальные рамки памяти / М. Хальбвакс ; пер. с фр. и вступ. ст. С. Н. Зенкина. – М. : Новое изд-во, 2007. – 348 с
8. Robertson R. Globalisation or glocalization? // The journal of international communication. – 1994. – № 1. – P. 33–52.

LINGUISTIC DIMENSION OF ORDINARY AND EXPERT UNDERSTANDING OF HISTORICAL MEMORY

I.V. Metlushko

Belarusian State University of Foreign Languages
Minks, Belarus, metluschko@mail.ru

The article presents the results of a comparative analysis of expert definitions of *historical memory* (taken from works by historians, sociologists, and political scientists) and lay interpretations (obtained through an anonymous survey). The study identifies common ground between the professional community and the mass audience in understanding historical memory as a complex, supra-individual phenomenon. Differences are found in experts' reference to "historical consciousness" versus laypeople's syncretic understanding of the past. Based on a component analysis of the definitions of *historical memory* provided by the respondents, it was revealed that they incorporate cognitive and axiological components, family memory, culture, language, lessons of the past, etc., into their understanding of the term. The joint use of the terms *historical memory* (synonymous with the term *politics of memory*) and *historical truth* in expert discourse differs from the everyday understanding of the multiplicity of historical truths about a single event among representatives of different groups. The conclusion is drawn regarding the influence of the widespread use of the term historical memory by the mass audience, as well as on the variability of its interpretations.

Keywords: historical memory; memory politics; identity; terminology; Memory Studies.